

И еще раз о Суздале

[Алексей Романчук](#)

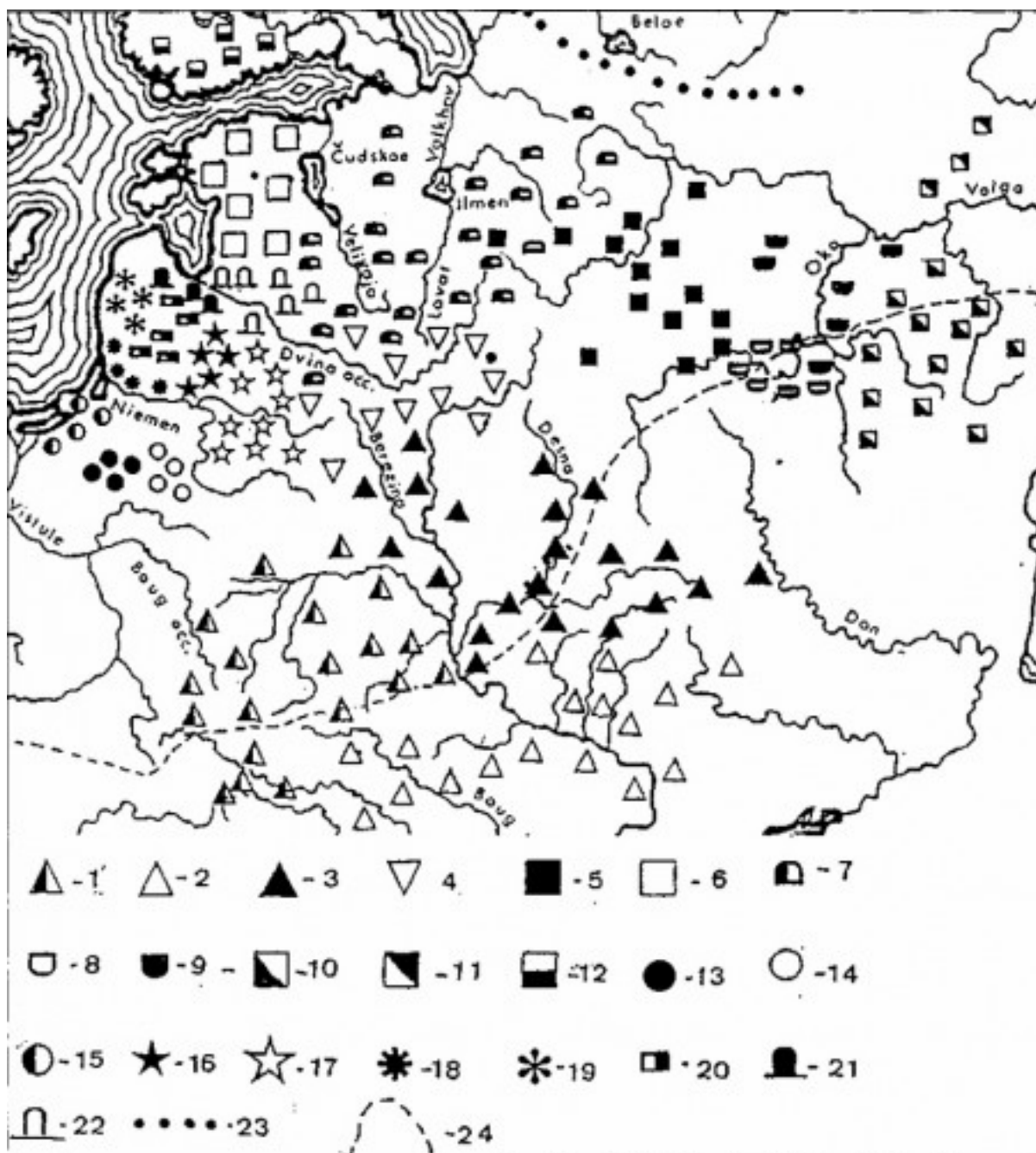
В статье обсуждается этимология названия города *Суздаль*, а также предлагается и обосновывается гипотеза происхождения ойконима *Суздаль* от реконструируемого гидронима *Суздаля* (*Суздаля*).

Сорок лет назад О. Н. Трубачев назвал одну свою небольшую статью «Снова о названии *Суздаль*». В ней, опираясь на одно краткое замечание Ф. Миклошича, он предложил новую этимологию названия города *Суздаль* (Трубачев 2005: 301- 306). Этимология эта получила широкое признание (Нерознак 1983: 165), и «наиболее предпочтительным в настоящее время представляется предположение О. Н. Трубачева» (Смолицкая 2002: 333).

Вместе с тем, как мне кажется, сегодня есть необходимость снова вернуться к этой проблеме – в том числе отталкиваясь и от результатов некоторых других исследований самого О. Н. Трубачева. Начнем с того, что составим себе представление о сути гипотезы О. Н. Трубачева, а также и ходе его рассуждений.

О. Н. Трубачев: *Суздаль* и *суздаля*.

Итак, «... слово *Суздаль* с редким единодушием признано неясным по происхождению. Поиски при этом велись, как правило, в одном направлении, несмотря на сопутствующую этим попыткам неудачу ... В двух словах это выглядит так: название *Суздаль* неясно, непрозрачно, оно находится на территории с древним финским субстратом, следовательно, мы имеем здесь дело с нерусским названием» (Трубачев 2005: 301). Действительно, на финской почве достаточно убедительно объяснить топоним *Суздаль* так и не удалось.

Археологическая ситуация в лесной зоне Восточной Европы во второй трети V – середине VI в. Археологические культуры: 1 – Прага, 2 – Пеньковка, 3 – Колочин, 4 – Тушемля, 5 – Дьяково, 6 – Таранд, 7 – длинные курганы (Линдора-Полибино), 8 – Рязань-Ока, 9 – памятники муромы, 10 – памятники мордвы, 11 – памятники мари, 12 – каменные курганы Финляндии, 13 – группа Алленштейн/Ольштын, 14 – группа Сувалки (судавы), 15 – группа Долькейм/Коврово (самбийско-натангинская), 16 – грунтовые могильники Центральной Литвы, 17 – восточнолитовские курганы, 18 – грунтовые могильники Нижнего Немана, 19 – грунтовые могильники с каменными оградками, 20 – грунтовые могильники Центральной Жемайтии, 21 – грунтовые могильники и курганы Земгалии с каменными кругами, 22 – курганы Латгалии с каменными кругами, 23 – приблизительная южная граница памятников типа Белозеро-Усть-Царева, 24 – южная граница лесной зоны. Источник: В. В. Седов, «Гольтескифы».

Не увенчались успехом и попытки скандинавской этимологии (впрочем, эти попытки изначально были очень похожи на народную этимологию: удивительно, что иногда они появляются и в новейших работах (правда, работах не лингвистов)). Как убедительно показала по отношению к топониму *Суздаль* Т. Н. Джаксон: «перед нами попытки передать местное звучание с использованием скандинавских корней» (Джаксон 2001: 155).

Предложение же О. Н. Трубачева заключалось в следующем: «Слово *Сузда-ль* ...

О.Н.Трубачев

правильно образовано в древнерусском языке с помощью вышеназванной именной приставки *су-* и суффиксального *-ль* от глагола **СЪЗДАТИ**, *создать*, ср. аналогичные отношения парных префиксальных имен и глаголов *сувой* — *свить*, *сугроб* — *сгрести* / *сгрести* в русском языке» (Трубачев 2005: 303). И, в таком виде, в целом предложение О. Н. Трубачева (с учетом уточнений В. П. Нерознака (Нерознак 1983: 165)) возражений не вызывает.

Правда, он (как и В. П. Нерознак) совершенно обошел вниманием то обстоятельство, что изначальной формой топонима являлась, видимо, все же *Суждаль*. На это особо обращал внимание М. Фасмер — возражая против возможности использовать для этимологизации белорусское диалектное *суздалі* (Фасмер 1987: 805). Но, здесь можно было бы предложить то же объяснение, что и для этимологии топонима *Рязань* — «чередование *з\ж* в корне под влиянием финно-угорского субстрата» (Нерознак 1983: 152).

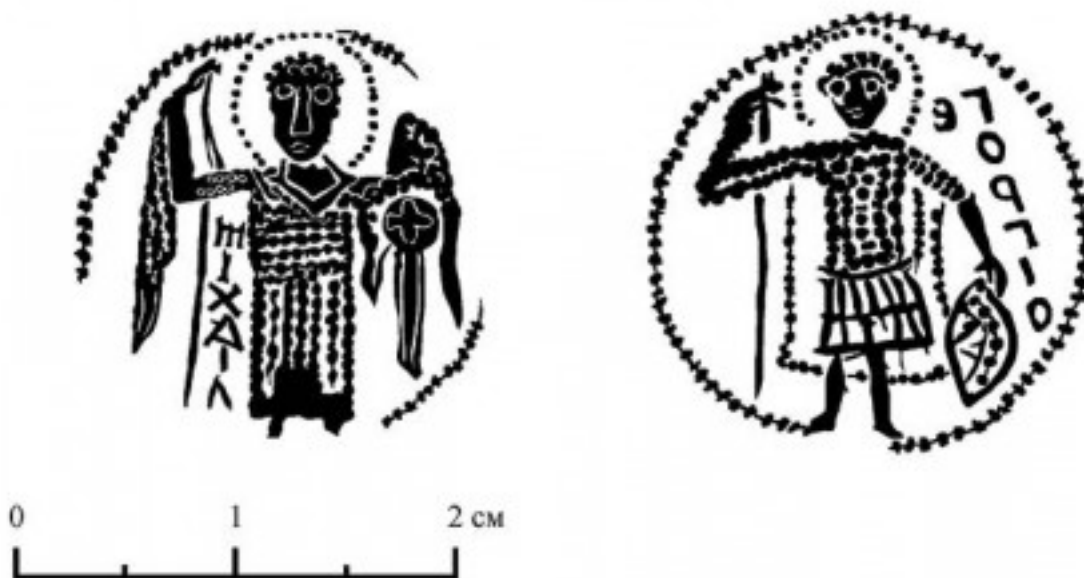
Однако, в таком, изложенном выше виде, гипотеза О. Н. Трубачева является принципиально незавершенной. Попытки же О. Н. Трубачева завершить эту гипотезу — заставили его, на мой взгляд, вступить на весьма зыбкую почву, и вызывают серьезные возражения.

Итак, О. Н. Трубачев, пытаясь придать гипотезе законченный вид, обращает внимание на «такой немаловажный фактор, как отсутствие в известном нам русском и славянском словарном составе аппеллатива **суздаль*. В самом деле, нельзя же, например, считать таковым чисто случайно созвучное слово *суздыль* м. р. ‘сухой, худой человек’, отмеченное в белорусских могилевских говорах...» (Трубачев 2005: 304).

Актовая печать, найденная на селище Мордыш 1. Источник: Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков «Печать князя Михалки Юрьевича из Суздальского Ополя»

Выход из этой ситуации он видит в том, чтобы реконструировать «исконно русское апеллятивное *Суздаль*, а также его примерное значение ‘глинобитная или кирпичная постройка’. Парный глагол създити имел первоначально конкретное значение ‘слепить из глины’,

Актовая печать Михалки Юрьевича. Прорись И.В. Волкова по 3 экземплярам. Источник: Н.А. Макаров, П.Г. Гайдуков «Печать князя Михалки Юрьевича из Суздальского Ополя»

отсюда его употребительность, например, в церковных сказаниях о создании человека из глины» (Трубачев 2005: 304). По его мнению, «в подтверждениях древних связей гончарства и кирпичного зодчества нет недостатка. Для обоих ремесел един древнерусский глагол **ЗЪДАТИ**. То же самое действительно и для имени деятеля др.-рус. **зъдъчии**: обозначался этим словом умелец, который «**ЗДАЛЪ ДОМЫ**», был, по сути дела, кирпичных дел мастером, хотя он же выступал и как горшечник» (Трубачев 2005: 305).

Вне зависимости от того, насколько предлагаемая им реконструкция древнерусского апеллятива с таким значением безупречна (сам О. Н. Трубачев обращает здесь внимание, что «известный словарь Срезневского (т. I, s. v.) толкует зъдъчии только как ‘горшечник’»), проблема в другом.

Именно, логика выдвигаемой им гипотезы требует связать появление названия *Суздаль* — с каменным (строго соблюдая логику гипотезы, следовало бы: кирпичным) строительством в регионе. По его словам: «на фоне деревянных «новостроек» Северо-Восточной Руси ранней поры резко выделялся каменный храм в Древнем летописном Суздале — первый каменный дом на всем Северо-Востоке XI в.; в этой же связи в роли контрастного, культурно отмеченного (*merkmalhaftig, markiert, marquée*) признака выдвинулась, по видимому, и какая-то новаторская строительная техника, которая, наверное, и дала имя Суздалю в отличие от других известных, ближних и дальних городов и весей» (Трубачев 2005: 305-306).

Гипотеза О. Н. Трубачева и данные археологии и истории.

Битва новгородцев с суздальцами. Икона XV в., Новгородский музей.

Однако, как следует и из археологических, и из исторических данных, Суздаль возникает еще в X веке. Как указывает Н. А. Макаров: «М. В. Седова относил возникновение Суздаля к первой половине X в. Согласно её наблюдениям, древнейшее славяно-мерянское поселение представляло собой мысовое городище с тремя линиями рвов и валом в северо-западной части кремля площадью около 1,5 га. Эти укрепления были срыты не позднее первой четверти XI в., очевидно, после восстания волхвов 1024 г., когда Ярослав соорудил более мощные укрепления, охватывавшие площадь 14 га» (Макаров 2012: 204).

Первое упоминание Суздаля в летописи относится к 1024 году. А согласно т. н. Новгородскому кодексу «в 999 г. монах Исаакий был поставлен попом (то есть, стал иеромонахом) в Суздале» (Зализняк 2003: 210). Однако, «становление его как значимого политического центра, судя по летописи, должно быть отнесено к концу XI столетия, когда город становится предметом ожесточённой борьбы между потомками Ярослава – Олегом Святославичем и Мономахичами» (Макаров 2012: 194). По археологическим же данным: «ранний слой Суздаля беден вещевыми находками, точно определить время возникновения поселения и продолжительность формирования древнейшего слоя с лепной керамикой затруднительно. Можно составить лишь самое общее представление о поселении. Оно возникло не позднее второй половины X в., было укреплено, в отличие от основной массы поселений Ополья, но культурный слой не содержит находок, указывающих на его особый статус и торгово-ремесленный характер» (Макаров 2012: 204).

То есть, в X – первой половине XI в. Суздаль явно существует как сравнительно (с тем же Ростовом, например) все же рядовое поселение. Предполагать там в это время масштабную престижную архитектуру, и тем более такого типа, которая бы сыграла роль «контрастного, культурно отмеченного признака» — оснований как будто нет.

Взятие Батыем Суздаля. Миниатюра из Жития Ефросинии Суздальской

Более того, масштабное, а скорее – и вообще каменное строительство в Суздале явно не могло начаться ранее, чем Суздаль стал значимым политическим центром. И, согласно выводам С. В. Заграевского, «в Византии церковное строительство велось из плинфы или в смешанной технике – «opus mixtum»; из камня строили только на некоторых окраинах Византийской империи, и то лишь потому, что в горах и пустынях не было глины для обжига на плинфу. Плинфяной либо смешанной была и строительная техника Киева, Новгорода, Пскова, Полоцка, Смоленска, Чернигова, Переяславля Южного, Владимира Вольнского и всех остальных древнерусских земель, **кроме Галицкой и Суздальской. В Галицком княжестве белокаменное строительство началось в 1110–1120-х годах, в Суздальском – в 1152 году ...**» (Заграевский 2008: гл. 1).

Таким образом, принятие гипотезы О. Н. Трубочева в ее завершенном виде натывается на очевидное несоответствие: название *Суздаль*, по всей видимости, появилось заведомо раньше, нежели появились условия, требуемые гипотезой О. Н. Трубочева. И вдобавок, Суздаль, в отличие от почти всех прочих древнерусских центров, характеризуется как раз не кирпичной (что требовала бы логика гипотезы О. Н. Трубочева при строгом ей следовании), но белокаменной архитектурой.

Необходимо отметить также, что, отрицая значимость белорусских диалектных данных, О. Н. Трубочев ограничивался учетом лишь части их. Пр процитирую (выделив соответствующее предложение) работу Н. В. Бирилло по белорусской антропонимике: «СУЗДАЛЬ рэг. 'сухі, танклявы чалавек' (Бяльк.), параўн. рэг. *суздолиць* 'асілиць, перамагчы, пераадолець', 'здолець, быць у сілах зрабіць што-небудзь' (Нас).— *Сўздалей*» (Бірыла 1969: 397).

Ойконим Суздаль – и гидроним Суздаль?

В этой ситуации, как мне представляется, гипотеза О. Н. Трубачева требует уточнения и развития в ином направлении. Отправным пунктом для такого развития может служить момент, на который обратил внимание сам О. Н. Трубачев

Именно, рассматривая «Су-здаль» как образование с приставкой *су-*», он сам подчеркивал: «В восточнославянской топонимии и гидронимии эта словообразовательная модель представлена единичными древними образованиями» (Трубачев 2005: 303). То есть, в случае с названием *Суздаль* мы имеем дело с редким в структурном отношении восточнославянским топонимом – и оформленным «сугубо архаической йотовой суффиксацией» (Васильев 2005: 34).

Хотя В. Л. Васильев не касался проблемы этимологии топонима *Суздаль*, и вообще его работа посвящена архаической деантропнимной топонимии Новгородской земли, любопытны здесь и некоторые другие его наблюдения. По его словам: «Топонимическая **-jъ-* модель в ее классическом виде – это модель с антропонимическим композитом» (Васильев 2005: 37). И, «Любопытен сам факт устойчивой, жесткой связи композитное личное имя + йотовая суффиксация. ... в этой жесткости можно ощутить момент социально обусловленной знаковости, своеобразное топонимическое выражение высокого социального статуса носителей двусловных личных имен как владельцев селений, номинация которых отмечена **-jъ-* моделью. Если взять аналогии из антропонимии (сферы законченной ономастической знаковости), то характер номинации селений названиями на **-jъ* напоминает в некотором роде известное в XVI–XVII вв. право ношения патронимов на *-вич*, которым пользовались только высокие социальные классы» (Васильев 2005: 38-39).

Карта Владимиро-Суздальской губернии 1821 г.

Однако, было бы непродуктивным, на мой взгляд, опираясь на эти наблюдения, и на цитированные выше данные Н. В. Бирилло, пытаться искать объяснение топонима *Суздаль* как образованного от славянского антропонима. Тем более, что такая попытка требовала бы реконструировать незафиксированный антропоним *Сузда-ль*.

Нет, гораздо продуктивнее, полагаю, обратиться к наблюдениям другой, и очень значимой работы В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева – монографии, посвященной гидронимам Верхнего Поднепровья. Тем более, что и сам он фактически обратил внимание на соответствующие параллели: «... укажем на определенное структурное сходство нашего топонима *Су-зда-ль* и такого знаменитого (в другой связи) восточнославянского речного и местного названия как *Супрасль*, правый приток Нарева и населенный пункт на нем ...» (Трубачев 2005: 303).

Итак, вот некоторые наблюдения из вышеупомянутой монографии. Позвольте здесь привести несколько обширных цитат.

Согласно В. Н. Топорову и О. Н. Трубачеву, «о пределах распространения суффикса *-ля* в известной степени можно судить по образованиям на *-ль, -еля* (*Хотемль, Улемль, Муравль, Дорожживль \Дорожживель, Дорожживеля, Кривель, Понебель, Нежевель, Понемель, Виногробль* и т. д.) ... В разделе гидронимов на *-ля* можно выделить ряд групп в зависимости от характера предшествующего суффиксу *-ля* элемента: а) непосредственное присоединение к основе на согласный — *Купля, Водотопля, Вопля, Неропля, Сорбля, Навля, Сплавля, Чамля, Дебля, Вабля* и т. д.; б) *-ом-ля!-ем-ля*: *Хотомля, Сукромля, Жатомля, Гостомля/Гастомля, Радомля, Сукремля, Судемля, Тушемля, Хочемля, Суремля, Велемля, Горемля/Гаремля* и т. д. (эта группа является наиболее многочисленной)» (Топоров, Трубачев 2009: 145).

И, «интересной особенностью рассматриваемых гидронимов с элементом *-л-* является сосуществование форм женского рода на *-ля* и мужского рода на *-ль*. Вместе с тем среди названий рек решительно преобладают формы на *-ля*. Важно отметить, что употребление суффикса *-ля!-ль* не ограничивается оформлением только водных названий; не в меньшей степени оно характерно для названий населенных мест: *Бегомля, Блудемль, Бучемль, Хошомля, Лукамль, Негомле/Негомье, Охомля/Охомня, Радомль, Рыдомль, Сукремль* и т. д.» (Топоров, Трубачев 2009: 145).

Здесь же В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев высказывают предположение, что «можно считать весьма вероятным, что первоначальное употребление характеризовалось закрепленностью формы *-ля* за названиями рек, *-ль* — за названиями городов».

Таким образом, опираясь на эти факты, мы, как мне кажется, вправе поставить вопрос: **не является ли ойконим *Суздаль* образованным от гидронима *Сузда-ль* (Суздаля)?**

Правомерность такой постановки вопроса станет, полагаю, совершенно очевидной, если мы посмотрим на реестр гидронимов бассейнов Клязьмы, Москвы и Тверцы. Итак, мы видим среди притоков Клязьмы следующие реки: Судогда (возможно, здесь следует учитывать и приток Судогды – Сойму), Суворощь, Уводь (Урож – приток Уводи; возможно, его тоже стоит учесть), Вязь (приток Учи) и Радомля. Среди притоков Москвы – реки Жмель (приток Держи), Сукромля (приток Держи), Иночь. Наконец, среди притоков Тверцы: Логовѣжь, Негочь, Поведь. Ну, и сама Тверца – ее первоначальное название, очевидно, Тверь (Нерознак 1983: 167). Список этот далеко не полный – и носит лишь иллюстративный характер.

Как представляется, вся вышеизложенная совокупность фактов не оставляет сомнений, что наиболее убедительным объяснением названия ойконима *Суздаль* – будет выведение его от гидронима *Суздаля* (*Суздаля*). Гидроним же *Суздаль*, как и ойконим, действительно образован на позднепраславянской почве: «Как справедливо указал Арумаа, значение славянских названий на -ля тем больше, что в латышском суффикс -*io*- отсутствует полностью, а в литовском крайне редок» (Топоров, Трубачев 2009: 146). И, по всей видимости, должен быть связан с той ранней волной славянской колонизации Волго-Клязьминского региона, которую очертили В. В. Седов и С. Л. Николаев.

В одной из недавних работ я предпринял попытку развить и уточнить предложения В. В. Седова и С. Л. Николаева. Прочитую: «... по всей видимости, население тушемлинской культуры в языковом отношении было близко именно носителям «прото-ростово-суздальского диалекта», а не кривичам. Вывод этот подтверждается, на мой взгляд, и последними исследованиями С. Л. Николаева (2014: 370)» (Романчук 2014: 351).

По всей видимости, обрисованное В. Н. Топоровым и О. Н. Трубачевым распространение топонимии на -ля – также коррелирует с этим выводом. Прочитую: «Являясь характерными для бассейна Днепра, гидронимы на -ля распределяются в Верхнем Поднепровье следующим образом: шесть названий к западу от Днепра (из них четыре — на левобережной Припяти) и немногим менее полусотни — к востоку от стержня Днепра; особенно много таких названий по Сожи (15) и Десне (18 без Сейма). За пределами Днепровского бассейна наблюдается резкое падение количества гидронимов на -ля, особенно в бассейнах Дона, Днестра и Южного Буга. Напротив, в северном направлении — на верхней Волге, Западной Двине и Немане названия на -ля убывают очень постепенно, не образуя резкой границы с соответствующей гидронимией Верхнего Поднепровья. Правобережье Припяти, Волынь и среднее течение Днепра насчитывают немало гидронимических и топонимических образований на -ля» (Топоров, Трубачев 2009: 147). Равно как «заслуживает внимания ... тот факт, что более половины всех названий на -ь сосредоточено в бассейне Десны ...» (Топоров, Трубачев 2009: 180).

Однако, поскольку Десна, и особенно Сож – это область расселения уже летописных радимичей (а для более раннего времени, по археологическим данным – ареал Колочинской культуры), то и вышеприведенный вывод (Романчук 2014: 351) должен быть дополнен и скорректирован.

И, завершая: гидроним Суздаль позже исчез – река, на которой стоит город Суздаль, сегодня называется Каменка. Однако, возможно, как раз эта смена названия, вкупе с цитированными выше данными Н. В. Бирилло, даст ключ и к раскрытию семантики гидронима *Суздаля*.

Литература:

- Бірыла М. В. 1969. Беларуская антрапанімія. Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі. Мінск: Навука і тэхніка.
- Васильев В. Л. 2005. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород: НовГУ.
- Джаксон Т. Н. 2001. *Austr í Gögðum*: древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. Москва: Языки русской культуры
- Заграевский С. В. 2008. Новые исследования памятников архитектуры Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Москва: Алев-В. Доступна: <http://www.zagraevsky.com/vsmz1.htm>
- Зализняк А. А. 2003. Проблемы изучения Новгородского кодекса, найденного в 2000 г. В: Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003 год. Доклады российской делегации. Москва, с. 190-212.
- Макаров Н.А. 2012. Суздальское Ополе. В: Макаров Н. А. (отв.ред.). *Русь в IX–X веках: археологическая панорама*. Москва; Вологда: Древности Севера, с. 194-212.
- Нерознак В. П. 1983. Названия древнерусских городов. Москва: Наука.
- Николаев С. Л. 2014. Полесско-восточнорусские фонетические изоглоссы позднепраславянского происхождения. В: Гриценко П. Е. (ред.). *Діалекти в синхронії та діахронії: загальнослов'янський контекст*. Київ: НАНУ, с. 365—370.
- Романчук А. А. 2014. Спор о древненовгородском диалекте в контексте варяго-русской дискуссии. *Stratum plus*, 5: 345-356.
- Смолицкая Г. П. 2002. Топонимический словарь Центральной России. Москва: Армада-пресс.
- Топоров В. Н., Трубаев О. Н. 2009. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. В: Трубаев О. Н. *Труды по этимологии. Слово. История. Культура*. Том 4. Москва: Языки славянской культуры, 9—382.
- Трубаев О. Н. 2005. Снова о названии *Суздаль*. В: Трубаев О. Н. *Труды по этимологии: Слово. История. Культура*. Том 2. Москва: Языки славянской культуры, с. 301-306.
- Фасмер М. 1987. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. Москва: Прогресс.